

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Не сказать, чтобы Феллини был для нас в новинку. С 1963 года, когда на Московском кинофестивале Гран-при получил фильм «8 1/2», итальянский режиссер был в России признан, изучен и удостоен всяческого поклонения. А выставка его рисунков в Пушкинском музее и вовсе вывела бывшего карикатуриста в разряд, как говорится, настоящих художников (параллельно показывались рисунки Эйзенштейна). В общем, сказать нашей публике о Федерико Феллини новое и неизвестное почти нереально.

Впрочем, кураторы и не пытались что-то рассказывать или открывать. Жанр зрелища, которое готовилось из архивов и музеев пяти стран, прекрасно обозначено в его заголовке – перед нами реальный «парад». Но не торжественный военный строй, а именно цирковое парад-алле, когда на арену выходят все участники представления без разбора. Процессию возглавляет пышущая жизнью блондинка Анита Экберг, а замыкает усталая и трагическая брюнетка Анна Маньяни. То там, то здесь выскакива-

Сон от 1 апреля 1975, «Книга снов». Рис. Ф. Феллини.

ют папарацци (термин, как известно, придуман Феллини – в «Сладкой жизни» так звали светского репортера), чудеса эквилибристики показывает

все феллиниевские рисунки воспевают огромные женские груди). Зритель, оказавшийся в центре кордебалета из узнаваемых кадров, афиш и римских

Грудь вперед

В Москву доставили феллиниевский карнавал

В недавно возведенном мультимедиа Арт-музее (бывший Дом фотографии) открылась выставка «Феллини. Гранд-парад». Она стала первой ласточкой в череде арт-проектов Года Италии.

Снимки, рисунки, афиши, кинокадры, связанные с именем великого режиссера, мощным потоком выплескиваются на зрителей. Зарубежные устроители экспозиции превратили три этажа музея в подобие феллиниевской массовки, где в буквальном смысле слова «смешались в кучу кони, люди».

Марчелло Мастроянни, сам директор выступает со скабрёзными и не вполне приличными репризами (почти

фотографий, сам невольно превращается в участника массовки.

Конечно, кураторы попытались сохранить благопристойность и придумали сигнальные темы. Например, «Работа с актерами», или «Религия», или «Музыка». Но все попытки сказать нечто серьезное и осмысленное (хотя бы о творческих кризисах и сомнениях) на этом итальянском застолье превращаются в перекрикива-

Марчелло Мастроянни и Анита Экберг. Фото со

ние тостов, несущихся с разных сторон. Главное на выставке – бесконечный поток феллиниевских образов, который с улицы перетекает на экран, а потом снова на эти улицы возвращается. И здесь дизайнеры проявили чудеса изобретательности: экраны развешены в самых неожиданных местах, мониторы «вклинивают-

ся» таж стан Ф лик это шая ки Х обр

Кадр из фильма «Сладкая жизнь».

Среди архивных фото, репортажные съемки пересекаются с повзрослыми.

Феллини, без всякого сомнения, великий художник. Каждый его кадр — картина, и инсталляция, вобравшая в себя все художественные практики века. Собственно, это мышление, которое привело его от неореализма

(«Дорога», «Ночи Кабирии»), где еще проглядывала литературная основа сценария, к «Риму» — когда под грузом визуального ряда рвутся последние нити повествования. Не поддаться феллиниевскому искушению почти никому не под силу. Любая его выставка, если у нее нет четкого «сценария», оказывается игрой снов, когда и пациент, и психоаналитик меняются местами — и вот уже доктор выбалтывает ухмыляющемуся режиссеру свои потаенные фантазии. Смысла во всем этом карнавале не больше, чем в любой другой праздничной тусовке: для тех, кто наизусть знает кадры Феллини, тут все родное и дорогое, кто к ним равнодушен — головная боль от шумного итальянского семейства.

Впрочем, парад Феллини не лишен неожиданных поворотов. Хотя бы тот факт, что Феллини ставил рок-концерт лишь для того, чтобы где-то на заднем плане по телевизору в «Джинджер и Фред» этот концерт транслировался. И эта мелочь впечатляет куда как больше перевозки на вертолете 30-метровой статуи — эти кадры из «Сладкой жизни» показываются в одном из залов на огромном экране.